

Л. П. НИКИФОРОВ

Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьеве

В один из моих приездов в Москву старый мой приятель Владимир Федорович Орлов посоветовал мне познакомиться с Вл. Серг. Соловьевым, и мы как-то вечером отправились к нему. «Не знаю, в Москве ли Соловьев, — заметил Орлов. — Спросим у извозчиков».

— Почему же извозчики могут это знать? — удивленно спросил я.

— А видишь ли, он не только ездит с ними, но часто случается ему отбирать у них всю выручку.

Из дальнейших расспросов я узнал, что Владимир Сергеевич не любил отказывать не только нуждающимся, но и вообще просящим. Если ему случалось раздать все имевшиеся при нем деньги, а встречался еще нищий, то он занимал у извозчика. Это очень нравилось извозчикам, и они считали Соловьева особенно «душевным баринном».

Соловьев жил тогда на углу Пречистенки и Зубовской площади. Дойдя до площади, Орлов спросил у стоявшего там извозчика: «А что Соловьев, Владимир Сергеевич, в Москве?» — «В Москве, дня три как уже приехал, и теперь дома», — ответил извозчик, несколько не удивленный этим вопросом.

Соловьева мы действительно застали дома, но ему нездоровилось, его лихорадило, и он, укутываясь в плед, сидел на диванчике маленькой своей комнаты, даже на окне которой стояло несколько икон.

Беседа зашла об отношении Ветхого Завета к Новому. Владимир Сергеевич отстаивал их если не тождество, то родство и утверждал, что они плод одного и того же дерева, с тою только разницей, что Ветхий Завет можно уподобить дикому, кислому плоду, а Новый — уже облагороженный, сладкий, но все же яб-

лоня одна и та же; мы же больше выстали на вид их не сходства, а противоположности. Не желая утомлять его, мы скоро ушли, и затем я довольно долго не видал его, пока не встретил у Льва Николаевича Толстого.

Поразителен был контраст между этими двумя людьми не только по внешности, но и во всем умственном и духовном складе. Толстой был некрасив, но вся фигура его дышала необычайной телесной и духовной мощью истого сына земли. Соловьев был замечательно красив, но худ, болезнен и как бы соткан из одних нервов, являясь художественным воплощением мыслящего интеллигента. Один стремился свести небо на землю, другой сам воспарял к небесам. Их влекла тогда друг к другу как общая жажда водворить царство Божие на земле, так и ненависть к царящему злу. Нередко можно у Соловьева встретить блестящие страницы, под которыми охотно подписался бы Лев Николаевич.

«Подмен христианства формальным православием есть коренное зло, с которым мне приходится бороться всю мою жизнь». Чьи это слова? Можно было бы приписать их Толстому, а между тем так характеризует Соловьев свою деятельность. В то время Соловьев не относился враждебно ко Льву Николаевичу, а, напротив, восхищался его произведениями и поручил, между прочим, Орлову составить из них сводку мыслей, пригодных для солдат. «Я постараюсь, чтобы такая книжка была в ранце каждого солдата», — говорил Соловьев. Такой книжки Орлов не составил, но это, вероятно, поддало Толстому мысль написать свои знаменитые «памятки» — солдатскую и офицерскую¹. Когда я впоследствии спросил Владимира Сергеевича, думает ли он выполнить свое благое намерение, он как-то неохотно ответил, что собирался это сделать при Александре III, а теперь считает это лишним. Почему — так и осталось для меня тайной.

Немало было у Соловьева общих черт с Толстым, например их громадная начитанность, их интерес ко всем сферам человеческой мысли, их необычайная память; но Толстой никогда не забывал даже самой мелкой художественной черты, почему-нибудь поразившей его в человеке или в художественном произведении, а Соловьев — каждую пленившую его мысль.

Зайдя как-то ко Льву Николаевичу, я застал у него в кабинете несколько посетителей, которым Толстой читал вслух третью статью Соловьева о «Смысле любви», только что появившуюся тогда в журнале «Вопросы философии и психологии»². Дойдя до того места в этой статье, где говорится о бессмертии и воскресении, и зная из предыдущих наших бесед, что я считаю это задачей человечества, Лев Николаевич, улыбаясь, посмотрел на меня

и сказаал: «А особенно по душе эта статья должна быть одному из нас». Окончив ее, он заметил: «Поразительно, как умеет Соловьев сразу схватить самую суть дела, запустить сошник под самый корень, в самую глубь вопроса; но всегда страшно за него, что он не сможет довести борозду до конца». На другой день мне опять пришлось быть у Льва Николаевича, и речь зашла о статье Соловьева. Толстой признавал, что основная мысль ее верна, «но лишь в идеале, а ведь идеал только потому идеал, что он недостижим». «Недостижим в ближайшем будущем, а не вообще», — заметил я. «Ну конечно, но разве лишь в очень, очень далеком будущем».

Вновь увидеться с Владимиром Сергеевичем мне пришлось не скоро, и не в Москве, а в Петербурге, в котором году — не припомню. В то время А. В. Васильев — один из немногих чистых и искренних славянофилов, особенно гордившийся тем, что у нас смертная казнь отменена прежде, чем где-либо в Европе, — задумал издавать журнал «Русская беседа»³. Я имел удовольствие несколько знать Васильева и предложил перевести для его журнала только что вышедшую книгу Дрюммонда «Восхождение Человека» (*The Ascent of man*)⁴. Васильев охотно согласился, и в дальнейшей нашей беседе его пленила мысль пригласить в сотрудники Владимира Сергеевича. С этой целью я зашел к Соловьеву, занимавшему номер в гостинице «Англия». Владимир Сергеевич дать статью согласился, но лишь со временем. Названную книгу Дрюммонда он в то время не знал, но восхищался другой его книжкой — «Естественный закон в духовном мире», для перевода которой обещал дать предисловие. Мой перевод этой последней книги, с значительными, кажется, сокращениями, был помещен в «Русской беседе»⁵, и по этому поводу Владимир Сергеевич написал мне одно из прилагаемых писем. Перевод книги «Восхождение Человека» не был напечатан в «Русской беседе», так как журнал этот скоро прекратил свое существование. Несмотря на то что я как народник во многом не сходил с Владимиром Сергеевичем — на что указывает другое письмо его ко мне, — он все же всегда был ко мне очень внимателен, а я не переставал восхищаться им и всегда при первой возможности заходил к нему. Главной занимавшей нас темой был вопрос о смысле любви. В моей статье по этому вопросу, исходя из положения, что мы происходим от одноклеточных организмов, которые не умирают — так как деление не есть смерть, а размножение, — я задавал себе вопрос, каким образом и откуда у многоклеточных, более сложных организмов, могла появиться смерть. Я приходил к заключению, что для той основной жиз-

ненной клетки, которая составляет наше «я», смерти тоже нет, а существует лишь временное замирание; внешние орудия клетки отпадают и составляют то, что мы называем трупом. Статья эта понравилась Соловьеву; он советовал непременно отдать ее для печати. При этом он не раз вспоминал Федорова⁶, известного библиотекаря Румянцевского музея. Замечательно хороший человек этот, убежденный приверженец всеобщего воскресения, вызывал вполне заслуженное уважение таких людей, как Толстой и Соловьев. Соловьев очень сожалел, что Федоров не находит издателя для своих многотомных трудов.

Однажды, войдя к Соловьеву, я застал у него одного молодого поэта-декадента; поэт этот прислал Соловьеву томик своих стихотворений и пришел выслушать его мнение. «Отчего вы так торопитесь печататься? — заметил ему Соловьев. — Вы еще очень молоды, в ваши годы даже Пушкин еще не печатался, а вы торопитесь выступить уже с отдельным томиком. Что бы вам подождать, пока вы не напишете что-нибудь действительно хорошее? Если у вас есть дар, дайте ему хоть несколько созреть и оформиться. Вот природа, уж она ли не даровита, — а между тем, если бы она остановилась на обезьяне, едва ли можно было бы сказать, что она создала нечто прекрасное; но она на этом не остановилась, она пошла дальше, и в человеке мы уже видим задатки чего-то действительно прекрасного. Сделайте и вы так же; теперь ваша поэзия — простите за откровенность — достигла только обезьяньей стадии, подождите, пока она не дойдет до человеческой — если ей это суждено, — и тогда печатайтесь». И поэт, невольно улыбнувшись, горячо пожал Соловьеву руку.

В беседах с Соловьевым меня всего больше поражало то, что, в противоположность Толстому, он боялся быть последовательным до конца. Так, например, он признавал, что тюрьмы являются учреждениями нехристианскими и что, любя ближнего, хотя бы и меньше, чем самого себя, все же нельзя посылать его в тюрьму, нельзя держать его в тюрьме; но при этом он считал безусловно необходимым, чтобы угроза тюрьмой оставалась. Признавая человека по природе существом недобрым, он находил полезным страх наказания. «Я знаю одного человека, — сказал мне однажды Соловьев, — который, наверное, убил бы меня, если бы знал, что останется безнаказанным. Теперь же он боится каторги и старается убить меня внушениями». Мне невольно припомнился при этом рассказ Александра Герасимовича Орфано, утверждавшего, что Влад. Серг. иногда физически испытывает, как черти запускают ему в спину когти и донимают его во время писания.

Говоря о войне, Соловьев охотно признавал, что христианин не должен убивать ближнего; но он был твердо уверен в неизбежности нашествия желтой расы на Европу. Он допускал, что эта раса может водворить на земле лучший политический и экономический строй, но его страшило полнейшее отсутствие в ней мистического чувства, и он считал ее окончательно неспособной постичь христианскую мистику, которой он придавал если не первенствующее, то громадное значение.

ПИСЬМА ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА К Л. П. НИКИФОРОВУ

1

Многоуважаемый Лев Павлович!

Благодарю вас за ваше доброе, хотя и преисполненное недоразумений, письмо. Надеюсь, что главное из этих недоразумений скоро будет разъяснено печатью, а потому спрошу вас только: где вы видели тех либералов, о которых пишете, — я таких не встречал, и мне сдается, что это у вас мечты воображения. А вот вам действительный представитель того либерализма, с которым я имею дело, — Михаил Матвеевич Стасюлевич. Помимо его литературных заслуг, я знаю его безусловно бескорыстную (он ни копейки не получает, а кой-что от себя прикладывает, кроме труда и времени) деятельность на пользу простонародья в Петербурге. Благодаря ему там за последние годы открыто несколько сот новых начальных училищ; там же благодаря ему устроен городской фильтр, вследствие чего смертность от заразных болезней (главным образом в низшем классе населения, ибо высший воды не пьет) сократилась вдвое. Я не знаю в России человека, который заслуживал бы большего уважения, чем этот «либерал». Вообще, эти ярлыки ничему действительному, по крайней мере в России, не соответствуют. Если даже принять ваш весьма недостаточный критерий, то вот вам либерал Стасюлевич, который уже более тридцати лет как ничего не берет с народа и очень много дает ему, а, с другой стороны, народник К. и иные ему подобные преспокойно состоят на казенной службе и получают жалованье, а дают ли они что-нибудь народу — неизвестно.

Кстати: я должен вас разочаровать относительно себя. Вы не совсем верно меня поняли: я говорил, что уже 12 лет как не получаю никакого жалованья, ибо не состою ни на какой службе, но когда в юности я был доцентом университета, а потом членом ученого комитета, я получал свою тысячу рублей в год и не чувствовал при этом никаких угрызений совести. Это происходило,

может быть, от моей безнравственности, а может быть, от моего знакомства с росписью государственных доходов и расходов, из рассмотрения коей явствовало, что не только мои 1000 руб., но все те два или три миллиона, которые идут на поддержание учености в России, никакой важности не представляют; а, с другой стороны, совсем без всякой учености даже турки и китайцы обходиться не могут. О французских своих книгах не могу вам ничего сообщить. Их судьба меня мало интересует. Хотя в них нет ничего противного объективной истине, но то субъективное настроение, те чувства и чаяния, с которыми я их писал, мною уже пережиты.

Завтра еду в Петербург недели на две- на три. Если в конце апреля или начале мая случится вам быть в Москве, наведывайтесь, пожалуйста, очень рад был бы с вами еще увидеться.

Душевно преданный Влад. Соловьев.

2

Дорогой Лев Павлович!

Книгу Дрюмонда «Ascent of man» я кончаю только этой ночью. Думаю, что она заслуживает перевода, но тоже с сокращением. Для начала по-прежнему считаю удобнее «Natural Law», как более принципиальную. От предисловия не отказываюсь, но сию минуту написать его как следует не могу; да и для редакции «Русской беседы» мое появление осенью удобнее, чем летом, — хотя вообще их расчет на пользу моего участия в журнале не делает чести их практическому смыслу.

Если вы имеете какие-нибудь особые причины торопиться с этим делом, то напишите мне их в Петербург — Галерная, 20, ред. «Вестн. Евр.». Я уезжаю из Финляндии завтра и вернусь в конце мая.

Получил письмо большое от Арк. из Киева. Рад был факту письма, но содержание кисло-сладкое и отчасти нелепое. Он, между прочим, видит пример нравственного совершенства в Аврааме, намеревающемся заколоть своего сына, — а разум и совесть уподобляет тому «ослу, которого нужно оставить в низу горы Божией». Печальная была бы участь Господа Бога, если бы к нему могли восходить только существа без разума и совести! Буду отвечать А. в скором времени. Еще получил я письмо без подписи из Лукоянова (откуда и вы последний раз писали) по поводу моего «принципа наказания». Письмо очень большое, почерк как будто ваш и образ мыслей также, но превратное понимание моей точки

зрения такое, какого и от вас не ожидал бы. Выведите меня из недоразумения. А то я думал было ответить печатью при случае.
Будьте здоровы!

Искренно вас любящий Влад. Соловьев.

3

Не посетуйте, дорогой Лев Павлович, за этот поздний ответ: мне так много приходится писать для печати, что на частную переписку остается совсем мало времени. Еще до получения вашего последнего письма я должен был оставить всякое сомнение в вашей неприкосновенности к лукояновским письмам: те же авторы прислали мне еще письмо, более откровенное и уже явно не могущее иметь ничего общего с вами. Бар. И. еще в апреле решительно отказалась от всякого содействия как по вашему ходатайству, так и по всем другим подобным, с которыми я обращался, — я думал, что вы об этом догадаетесь по моему молчанию. То, что вы пишете по поводу «Принц. наказ.», основано на недоразумении. По моей идее, принцип наказания есть *человеколюбие* как к потерпевшему, так и к преступнику, а вы говорите, что я возвожу в принцип насилие. Насилие я допускаю как необходимое в известных случаях средство для исполнения обязанности человеколюбия, совершенно так, как в примере Льва Ник. с бросанием детей из окошка при пожаре. Я уже воспользовался этим примером в статье о войне, которая скоро появится, и буду еще им пользоваться, как очень удачной иллюстрацией *моей мысли*.

Очень бы желал быть предуведомленным, когда вы будете в Москве или в Петербурге, чтобы устроить свидание, а писать много имеет многие неудобства.

Храни вас Бог!..

Любящий вас В. Соловьев.

4

Многоуважаемый Лев Павлович!

Относительно перепечатки статьи моей об Огюсте Конте из Энциклопедического словаря Брокгауза — Ефрона извещаю вас, что согласен на эту перепечатку при следующих трех условиях:

1) Мне будут доставлены прежде напечатания две корректуры — одна в гранках и другая сверстанная, и статья будет напечатана согласно моим поправкам.

2) Так как издание не имеет благотворительной цели, то при выходе книги мне будет уплачено за право печатания моей статьи сто пятьдесят рублей.

3) Я обязуюсь в течение пяти лет по выходе книги нигде не перепечатывать своей статьи и никому не передавать ее с этой целью; по истечении же пяти лет возвращаю себе право распоряжения означенною статьею.

С истинным уважением Влад. Соловьев

24 февраля 1896 г.

